



Бежать или умереть

Мои детские и отроческие годы прошли в атмосфере постоянного страха перед будущим и полной беспомощности перед жестокостью. Отец и мать лелеяли мысль, что все эти унижения помогут лучше подготовить меня к супружеской жизни, когда родители наконец-то смогут сбить меня с рук.

Еще будучи совсем юной, я с ужасом осознала, как невыносима жизнь женщины, отданной под неограниченную мужскую власть. Мечта стать свободной женщиной в обществе, погрязшем в пережитках, казалась несбыточной.

В глазах многих я была просто претенциозным существом, которое надо было постоянно держать в узде, к тому же существом женского пола — об этом я должна была помнить всегда. То есть я была неспо-

собна действовать самостоятельно по определению и могла только выполнять приказы и находиться на четко ограниченной территории, над которой довлела и довлеет по сей день безграничная власть мужчины.

Это та территория, где правительство диктует народу, отец диктует матери, брат сестре, супруг супруге. Это иерархия, при которой новорожденный мальчик сразу получает преимущество перед новорожденной девочкой. Более того, даже если сестры старше, а его еще заворачивают в пеленки, он все равно имеет над ними освященное небесами превосходство.

Добро пожаловать в мир мужчин, где нет места для жалости к таким, как я, подающим голос, а тем более к женщинам, способным не просто говорить, но кричать, численность которых гораздо больше, чем может показаться. Но какая польза от этого крика, если все равно не докричишься? К тому же в том мире никто не видит в женщине полноценное человеческое существо, с равными правами, стремящееся к самоутверждению. Мы ничем не лучше самок животных.

Я была еще девочкой-подростком, а родители уже определили мою судьбу и навязали мне мужа, который, едва закончилась свадебная церемония, силой объяснил мне, что теперь я являюсь его собственностью. Мое положение становилось все хуже и хуже, я и сегодня не перестаю удивляться тому, что смогла пережить эти пятнадцать лет.

Находясь под игом вдвое старшего мужчины, я все же худо-бедно сопротивлялась. Как правило, очень худо и очень бедно. Из этой сплошной тьмы, окружавшей меня, выхода было всего два: бежать или умереть.

Я решила бежать, наперекор ветрам и бурным течениям, наперекор традициям и условностям. Решила спастись и спасти своих пятерых детей, в особенности двух дочек. Я наконец поняла, что им уготована такая же ужасная судьба, поэтому необходимо было любой ценой попытаться совершить этот дерзкий, почти безрассудный поступок.

Я была единственным взрослым человеком в своей семье, и мой долг был вытащить близких из гнусности такого существования.

Пользуясь случаем, хочу сделать одно уточнение относительно первой своей книги «Паранджа страха», в которой описываются эти драматические события. Ее название напоминает мне то время, когда я, закрыв лицо, дрожала от страха, как тысячи и тысячи женщин. Но, возмущаясь положением женщин в исламских странах в моей первой книге, я, тем не менее, не критиковала сам ислам. Скорее, я обвиняла многих недостойных мужчин-мусульман в жестоком отношении к своим женам и дочерям. Я верю, что, если бы они действительно следовали всем заветам и предписаниям ислама, судьба мусульманок не была бы столь ужасной. Тысячам женщин не пришлось бы выживать в условиях, которые трудно назвать

приемлемыми для жизни. Многие мужчины-мусульмане забыли заповеди Аллаха и установили свои собственные правила, продиктованные ненавистью к женщине.

Я вовсе не собираюсь петь осанну западному миру, тоже не безупречному, если приглядеться повнимательнее к условиям жизни женщин. Несмотря на равноправие полов, что зафиксировано в законодательствах западных стран, необходимо признать, что юридические аспекты не всегда соответствуют реальности. Многочисленные проявления жестокости, несправедливое ущемление в заработной плате, другие причиняемые женщинам обиды все еще имеют место. Но то единодушие, с каким тридцать лет назад было провозглашено равенство, вымостило путь многочисленным реформам и, безусловно, улучшило положение женщины.

Ни одна из монотеистических религий в конечном счете не является по-настоящему благожелательной по отношению к женщинам, а священные тексты, будь то Библия, Тора или Коран, иногда настраивают меня на скептический лад.

Перед тем как приехать в Квебек, я очень часто задавалась таким вопросом: неужели я всю свою жизнь должна подвергаться испытаниям, уготованным мне судьбой, и просто смотреть, как кто-то управляет моей жизнью, тогда как мои собственные возможности сокращаются, подобно шагреновой коже? Получу ли я когда-либо передышку? Разве сча-

стве — это привилегия лишь избранных, появившихся на свет в стране, где родиться женщиной не значит быть проклятой?

Мир таких женщин, их способ жизни еще недавно казались мне чем-то нереальным и недоступным. На мое счастье кем-то был наложен запрет. В то время я даже подумать не могла, что однажды стану одной из этих избранных, что, влившись в их ряды, вздохну свободно.

В этой жестокой и часто неравной борьбе вера поддерживала меня, придавала мне сил и раз за разом спасала. Я не могу назвать себя ревностной мусульманкой, хотя и стараюсь следовать принципам своей веры и соблюдаю Рамадан. И я знаю, что над всеми нами есть высшая сила. Кто-то называет ее Аллахом, кто-то Господом или другим священным именем. Я верю, что эта сила помогает нам, и благодарю ее за то, что мои молитвы услышаны.



Вот мы и дома!

Время пришло. Я чувствую себя вполне созревшей для того, чтобы написать новую главу своей жизни и поделиться своим опытом и мыслями с другими женщинами, равно как и с мужчинами, отогнав подальше свой страх. По крайней мере, я пытаюсь научиться справляться со страхом всякий раз, когда он норовит подавить мою волю. Двери, через которые страх приходил ко мне, наконец закрылись.

Теперь в моей речи звучит приятный, легкий квебекский акцент, словно отметка моего нового жизненного пути, хотя маршруты мне еще предстоит узнать. Этот акцент для меня как свидетельство принадлежности к этой приютившей меня стране, с которой я хочу слиться, почти раствориться в ней. Не просто жить